

УДК 81'23

ГАРРИ ПОТТЕР И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ПСЕВДОРЕФЕРЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Н.А. Волкова

КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга

Данная статья посвящена анализу особенностей перевода псевдореферентной лексики произведений современной британской писательницы Дж. К. Роулинг. Рассматриваются характеристики псевдореферентной лексики, подлежащие учету при переводе, а также эффективность переводческих позиций, использованных при ее передаче на русский язык.

***Ключевые слова:** возможные миры, переводческие позиции, псевдореференция, способы перевода.*

Серия книг о Гарри Поттере, описывающая приключения мальчика-волшебника в магическом мире и принесящая всемирную известность ее создателю, современной британской писательнице Дж. К. Роулинг, уже пережила пик своей популярности. Однако, Поттериана, несомненно, и сейчас все еще вызывает большой интерес (и, как следствие, ожесточенные споры) как среди поттероманов, так и среди исследователей-филологов. Последних интересуют не столько проблемы некоторых неизбежных хронологических и сюжетных нестыковок или же различные – зачастую скандальные – детализации бэкграунда персонажей, модифицируемого автором в угоду меняющимся реалиям, сколько вопросы, касающиеся способов и направлений анализа созданного Роулинг конечного продукта: при всей своей противоречивости, ее «волшебный» мир заслуживает пристального внимания как литературоведов и лингвистов, так и переводчиков.

Связано это, прежде всего, с тем фактом, что волшебный мир Поттерианы может быть описан с точки зрения теории возможных миров, а значит, с вытекающими отсюда следствиями. Исследователи предлагают различать миры возможные и художественные, утверждая, что первые представляют собой альтернативы развития событий, действительно происходящих в реальном мире, а последние – любое положение дел, которое может существовать только в данном художественном мире (подробнее об этом см., например, [6]). Однако, вне зависимости от того, рассматривается ли это разграничение как существенное или нет, очевидно, что для создания и детализации возможного (художественного) мира произведений жанра фэнтези, к которому относится серия романов о Гарри Поттере, писателю (и переводчику) не хватит лексических средств, используемых, пусть и довольно креативно, для повествования об объективной реальности. Отмечается, в частности, что номинация «псевдореалий» – предметов и явлений, не имеющих аналогов в реально существующем мире, – не может происходить по тем же законам, что и номинация в актуальном мире [5].

Как известно, понятие номинации связано с появлением языковых единиц, называющих дискретные фрагменты действительности; различают первичную и вторичную номинации (последняя заключается в использовании уже существующего имени для обозначения нового предмета или понятия). Однако, механизмы использования ни первичной, ни вторичной номинации, несмотря на несомненную креативность последней (подробнее о креативной функции единиц вторичной номинации см., например, [4]) не могут полностью объяснить те процессы (и их результаты), которые имеют место при назывании предметов и явлений, не встречающихся в реальном мире, но необходимых для погружения реципиента в возможный мир.

Исходя из этих соображений, Ю.В. Кулакова предлагает использовать для описания называния псевдореалий термин «псевдореферентная номинация»: под этим понятием подразумевается процесс, в ходе которого в наиболее краткой и полноценной языковой форме даются имена несуществующим денотатам (псевдореалиям), которые представляются как реальные и должны соответствовать внутренней логике описываемого возможного мира [5]. В ходе любой номинации возникает два типа связи между именем и предметом: ономаσιологическая (закрывающаяся в процессе номинации от предмета к имени) и семасиологическая (закрывающаяся в номинации от самого имени к предмету посредством дескрипций). В случае с псевдореферентной номинацией имеет смысл говорить о последнем виде семантической связи между денотатом и именем. Несмотря на то, что автор сначала создаёт предмет или реалию, а только потом даёт им название, в процессе знакомства реципиента с данным денотатом приходится проделывать обратный путь и пояснять, что скрывается за единицей псевдореферентной номинации, с помощью разнообразных дефиниций. Таким образом, в процессе номинации участвует не только автор, но и адресат текста, который «материализует» подразумеваемый денотат в своём сознании.

Псевдореферентной номинации также присущ элемент условности: автор требует от читателя так называемой «приостановки неверия» (*suspension of disbelief*), необходимой для актуализации псевдореалий. Процессы, связанные с какой-либо описываемой псевдореалией, могут не соответствовать законам логики нашего (реального) мира, но при этом вполне укладываться в рамки функционирования мира возможного. Поэтому из исключительно гедонистических соображений реципиенту необходимо на время приостановить восприятие информации через призму уже усвоенных им логических кодов.

Из этого следует, что язык Поттерианы должен содержать огромное количество псевдореферентной лексики (далее – ПРЛ), которая характеризуется крайней степенью контекстуальности, условности или окказиональности референции как соотношения трех сторон знака – номинации, денотата и понятия [там же]: т.е. к ПРЛ относятся единицы номинации, которые понимаются только из контекста – в нашем случае, из широкого контекста романов фэнтези Роулинг. Например, значение существительного *Inferi* при первом его предъявлении не раскрывается; узкий контекст (цитата из брошюры Министерства Магии о мерах защиты от темных сил: *Unconfirmed sightings suggest that the Death Eaters may now be using Inferi.*

Any sighting of an Inferius, or encounter with same, should be reported to the Ministry IMMEDIATELY) позволяет лишь сделать вывод о том, что это чрезвычайно опасные представители темных сил, что косвенно подтверждается этимологией самой лексемы, напрямую связанной с латинским *infernus*. В широком же контексте детализируется и облик, и происхождение, и опасность, исходящая от того, что в русском переводе звучит как Инфернии / Инферналы / Мракозомби, однако ни английский оригинал, ни русские его трактовки без контекста не будут способствовать полной семантизации самого понятия (последний вариант, относящийся к переводческим решениям «народного» перевода, является попыткой дешифровать значение лексемы, однако только сбивает с толку читателя, искушенного в супернатуральных вопросах, поскольку Инфернии и зомби – существа совершенно разного порядка). То же относится и к существительному *snitch*, образованному путем ресемантизации английского слова «доносчик, стукач, ябеда», которое понимается только в контексте, повествующем о правилах волшебной игры квиддич, и называет один из игровых мячей. Лексическая единица *horcrux*, являющаяся центральным волшебным предметом, вокруг которого вращается сюжет, как минимум, двух последних частей Поттерианы, семантизируется настолько постепенно, что, как и в случае с *Inferi*, результат дешифровки ее значения при первичном предъявлении не выйдет за рамки микроконтекста, приведенного в следующей главе: *They must be really advanced dark magic, or why would Voldemort have wanted to know about them?* Эта черта ПРЛ (ее высокая зависимость от контекста), как представляется на первый взгляд, объясняет возможные трудности, связанные с ее переводом на другие языки.

ПРЛ Поттерианы довольно разнообразна как по семантическим и этимологическим параметрам, так и по своим формальным и словообразовательным характеристикам. Однако все псевдореферентные лексические единицы, послужившие материалом данного исследования, обладают одной общей чертой: в их семантике обнаруживается компонент, который представляется возможным описать только как «магический», поскольку все эти единицы – будь то лексемы, называющие действия (*to apparate* «транссессировать»), или единицы, обозначающие предметы (*the Mirror of Erised* «зеркало Еиналеж») – так или иначе описывают мир магии, созданный Роулинг. В этом возможном мире, несмотря на его кардинальное отличие от нашей обыденной реальности, предметы и явления, тем не менее, не существуют хаотично, но определенным образом упорядочены, поэтому и ПРЛ, относящаяся к этому миру, может быть систематизирована, пусть и на основании псевдоэкстралингвистических связей.

Простота разделения ПРЛ на тематические (семантические) группы и подгруппы, однако, иллюзорна, поскольку однозначно и четко определить иерархические отношения между этими группами (равно как и состав каждой из них) возможным не представляется; тем не менее, среди подобных групп мы обнаружим следующие: бытовые волшебные реалии / волшебные предметы (*floo powder* «летучий порошок»), еда и напитки (*butterbeer* «усладель»), зелья (*veritaserum* «сыворотка правды»), волшебные существа, животные и растения (*a dementor* «дементор», *a niffler* «нюхач», *Devil's Snare* «дьявольские силки»), праздники и события (*deathday* «смертенины»), заклинания (*Expelliarmus* / *the*

disarming charm «экспеллиармус» / «обезоруживающие заклятье»), устройство мира магии (*The Ministry of Magic* «министерство магии», *the Wizengamot* «Мудрейх»), общество и люди (a *squib* «сквиб», a *muggle* «маггл», a *Death Eater* «Пожиратель смерти»), школьные предметы (*Potions* «зельеваренье», *Herbology* «травология») и др.

Подобная систематизация ПРЛ, при всех ее недостатках, могла бы облегчить нелегкий труд переводчиков, знакомящих реципиентов мира реального с псевдореалиями мира возможного, однако принадлежность к той или иной группе ПРЛ, как показывают результаты анализа, не диктует необходимости использования определенного способа ее перевода. Исключение, разве что, составляет лексика, относящаяся к заклинаниям и чарам и образованная, чаще всего, от латинских корней либо по моделям свободных словосочетаний N / A / P + N; как видно из примера выше, в первом случае при переводе рекомендуется использовать транскрибирование / транслитерирование, во втором – калькирование. По той же схеме переводятся заклинания *Crucio*, *Oblivate*, *the stunning spell* и др.

Однако, какой бы сложной ни была задача переводчика ПРЛ, она, очевидно, вполне выполнима: за двадцать три года существования франшизы книги Роулинг были переведены на восемьдесят языков мира, и нередко мы сталкиваемся с наличием нескольких вариантов перевода и книг в целом, и собственно ПРЛ, в частности, в рамках одного языка; для российского читателя такими вариантами являются два официальных перевода (издательства «РОСМЭН» и Марии Спивак) и неофициальный (народный) перевод; причем, несмотря на нереальность мира, который детализирует созданная Роулинг ПРЛ, дискуссии вокруг способов ее перевода и качества этого перевода абсолютно реальны. Каким же образом переводчики передают ПРЛ Поттерианы на русский язык?

Чтобы попытаться дать ответ на этот вопрос, следует вспомнить о явлении, которое в переводоведении принято называть переводческой стратегией / переводческой позицией (о переводческих позициях и их типах см. [3]). На первый взгляд, смысл, который вкладывается в эти понятия, вполне очевиден и лежит на поверхности, однако, как это нередко случается в лингвистике, эти термины могут трактоваться достаточно широко и неоднозначно (подробнее о вариантах трактовки термина «переводческая стратегия» см. [1]). Для нашего исследования разграничение данных понятий не является релевантным – они рассматриваются как синонимичные, связанные с выбором общей программы переводческих действий, согласно которой будут приниматься конкретные переводческие решения.

Рассуждая о типологии переводческих позиций, исследователи сходятся в главном, а именно в признании существования двух основных стратегий, которых может придерживаться субъект перевода: доместикации и форенизации [9] (иначе – натурализации и экзотизации [8]); первая предполагает ориентацию на язык и культуру принимающую, вторая – на передающую. Соответственно, в процессе применения натурализации текст оригинала «дешифруется» так, чтобы в результате текст перевода производил бы на реципиента то же впечатление, что и оригинал – на носителя исходного языка (что, как представляется, в принципе недостижимо, так как проблема

гетерогенности рецепции текста не может быть сведена лишь к лингвокультурному аспекту). При экзотизации происходит обратный процесс: переводчик сохраняет национальный колорит исходного текста за счёт использования элементов, нетипичных для культуры языка перевода, но традиционных в языке оригинала. Очевидно, что преимущества этих переводческих стратегий одновременно будут являться и их недостатком: переводчик либо упрощает восприятие текста, встраивая его в культуру языка перевода, но одновременно лишая реципиента возможности познакомиться с новыми для него понятиями и реалиями, либо перегружает текст перевода неизвестной реципиенту информацией, в то же время расширяя его кругозор и мотивируя его развиваться за счет знакомства с чужой культурой.

Окончательную номенклатуру переводческих позиций установить довольно проблематично, поскольку, как представляется, их количество и качество ограничено лишь творческими способностями субъекта перевода и исследователя этого перевода, то есть это – открытый список, который будет только увеличиваться по мере завершения новых исследований в этом направлении. Тем не менее, следует упомянуть некоторые переводческие позиции, которые ученые выделяют внутри экзотизации и натурализации: это позиции историзации, модернизации, идеологизации, смысловой девиации (наращивание смысла, добавление новых смыслов, романтизация, пародирование) и др. [3].

Размышления над этим перечнем переводческих позиций могут вызвать некоторые вопросы. Один из них связан с решением однозначно относить определенные переводческие позиции только к экзотизации или только к натурализации как к глобальным переводческим позициям; однако нередко подобные стратегии выполняют свои собственные функции совершенно самостоятельно, без опоры на принимающую или передающую культуру (об использовании, например, историзации, не связанной с ориентацией на передающую культуру, см. [2]). Еще один вопрос касается выделения смысловой девиации в особую переводческую позицию – осознанную стратегию, выбираемую в том случае, когда творческая личность переводчика конфликтует с необходимостью максимально точно передать смысл оригинала. Данный термин представляется не вполне удачным, поскольку изменения «смысла» – неизбежное следствие использования любой переводческой позиции из перечисленных выше (как и самого перевода в целом). Этот процесс можно проследить и на нашем материале исследования – на примере использования как натурализации (при превращении уже известного нам *Inferi* в Мракозомби), так и экзотизации (при переводе уже знакомого нам *snitch* – в этом случае смысловые «отклонения» будут, как представляется, состоять в отсутствии у рецептора перевода тех же ассоциаций, которые вызовет слово *snitch* у носителя английского языка). Безусловно, романтизация, пародирование и подобные стратегии используются при переводе, однако, возможно, стоит говорить о них отдельно, не объединяя их под термином «смысловой девиации».

Итак, если вести речь о переводческих позициях применительно к передаче необычной лексики Поттерианы на другой язык, то в стоящей перед переводчиком проблеме ничего необычного, на первый взгляд, нет (поскольку

аналогичные проблемы решаются и при переводе реалий другой культуры): необходимо постараться донести до реципиента ассоциации, которые присущи ПРЛ языка иной культуры, и сделать их понятными для реципиента культуры принимающей.

Задача эта непростая, поскольку при создании элементов псевдореферентной номинации автор может использовать аллюзии к предметам или явлениям, привычным в его культуре, или же применять названия реалий для создания слов-слитков или сложных слов. При переводе подобных языковых единиц нередко используется, как мы уже упоминали выше, транскрибирование или транслитерирование, однако в этом случае реципиент, не зная значения одной из частей сложного слова, потеряет часть смысла, заложенного в него автором (как произошло, например, с названием волшебной игры *Quidditch*, переданной как «квиддич» и потерявшей всякую связь с *queer* и *ditch*).

Еще одним осложнением работы переводчика будет являться необходимость избегать того, что в переводоведении называют «презумпцией семантической наполненности иноязычной формы» [7: 87]: не стоит проецировать свои собственные уже существующие или приобретённые в процессе подготовки к переводу знания о культуре языка оригинала (или о самом языке оригинала) на знания читателя незнакомого, возможно, даже с её самыми базовыми понятиями. Так, например, переданное при помощи транскрибирования / транслитерирования название факультета магической школы *Ravenclaw* не вызовет у русского реципиента никаких ассоциаций с вороном и его цепкими когтями, а уже прочно вошедшее в словарный состав английского языка придуманное Роулинг слово *muggle* (не-волшебник), транслированное в русском варианте как «маггл», никак не отразит его связь с производящим *mug*, одно из значений которого – *a stupid or gullible person*.

Однако, повторимся, эти трудности – обычный «багаж» работы переводчика; при передаче же ПРЛ Роулинг к ним добавляется еще одна трудность, связанная с двойной экзотичностью текста оригинала: на «обыденную», лингвокультурно обусловленную экзотику исходного текста накладывается экзотика представленного в нем возможного мира, которую также необходимо отразить при переводе (подобная двойная экзотика в некоторых случаях находит свое отражение и в переводе: во второй части саги мы знакомимся с языком змей – *Parseltongue*, название которого передано на русский язык как «серпентарго»).

Проанализировав три основных варианта русского перевода Поттерианы, мы выяснили, что, несмотря на уникальность и ценность каждой переводческой позиции, не все они были одинаково востребованы при передаче ПРЛ. В частности, можно утверждать, что в каждом из трех существующих вариантов перевода переводчикам удалось сочетать, казалось бы, несочетаемое: доминирующей переводческой стратегией оказалось использование натурализации с элементами экзотизации. Возможно, нежелание отдать экзотизации ведущую роль связано не только с попытками «приблизить» текст оригинала к реципиентам принимающей культуры, но и с упомянутой выше двойной экзотичностью ПРЛ – было принято осознанное переводческое решение не перегружать текст элементами, подлежащими

дополнительной дешифровке. Приведенный выше пример перевода *Parseltongue* – редкое исключение, которое подтверждает правило.

Разумеется, натурализация ПРЛ приводит к различиям между «шлейфом» ассоциаций, которые могли возникнуть у носителя языка оригинала, и ассоциациями, которые возникают у реципиента текста перевода. Так, для передачи названия *floo powder* (специального порошка, который позволяет волшебникам перемещаться в пространстве при помощи «сети» каминов) во всех трех рассмотренных нами вариантах перевода использовалась натурализация: летучий порошок («РОСМЭН»), кружкая мука (М. Спивак), дымолётный порошок (народный перевод). В первом случае прилагательное «летучий», возможно, является попыткой передать искажённую форму глагола «летать» в прошедшем времени (*flew*), однако подобный перевод отражает семантическую роль «субъект действия», а не «инструмент / средство передвижения» – получается, что «летает» сам порошок, а не тот, кто им пользуется. Во втором случае прилагательное «кружкая» акцентирует внимание на образе действия (передвижения) и подразумевает, что «мука» вращает пользователя, а не позволяет перемещаться в пространстве. В третьем случае появляется идея дыма (идущего, предположительно, из камина или трубы?), что связано с особенностями применения артефакта и более точно показывает его назначение. Однако во всех переводах отсутствует главное, а именно ассоциация с лексемой *flue*, о которой говорила сама Роулинг и которая даёт совершенно четкое представление о том, что перемещаются волшебники именно через камин.

Один из важнейших волшебных предметов мира Роулинг - *the Pensieve*, служащий в качестве резервуара для мыслей в случае их чрезмерного количества, т.е. это своеобразное решето (*sieve*), отсеивающее лишние мысли (фр. *pensée* «мысль»). Помимо этого, *the pensieve* позволяет владельцу пересматривать свои или чужие воспоминания в мельчайших подробностях, а также улучшить качество осмысления событий, их систематизацию и т.д. Первый вариант перевода – омут памяти – сужает сферу применения предмета до работы только с воспоминаниями и предполагает наличие некоей опасности при погружении в них (справедливости ради следует отметить, что для детального просмотра воспоминания необходимо было в него «нырнуть», однако никаких неприятных последствий это за собой не влекло). Второй вариант перевода – дубльдум – связан уже не с памятью, а с мыслями; «дубль» же имеет значение двойственности, что, вероятно, в данном контексте отсылает к возможности посмотреть какое-либо воспоминание во второй раз. Однако количество просмотров воспоминаний неограниченно, поэтому данный перевод представляется не вполне удачным. Третий вариант перевода – думоотвод – подразумевает, что пользователь этого приспособления, наоборот, не будет повторно воспроизводить свои воспоминания, что противоречит макроконтексту.

Делая вывод на основании анализа подобных преобразований семантики исходных псевдореферентных единиц при натурализации, мы возвращаемся к тому, о чем говорили выше применительно к девиации смысла: при передаче ПРЛ Роулинг на русский язык следует говорить о девиации смысла не как об осознанной переводческой позиции, а как о

следствии, которое возникает в результате использования (корректного или чрезмерного) других переводческих позиций.

Несмотря на главенствующую роль натурализации во всех трех вариантах переводов, работы М. Спивак и народный перевод характеризуются некоторой долей экзотизации при передаче ПРЛ. Главным образом, речь идет о таких случаях, как *Auror* «аврор», *mimbulus mibletonia* «мимбулюс мимбетония», *Hufflepuff* «Хаффлпафф», *boggart* «боггарт». Определенные семантические потери (смысловые девиации) происходят и в этих случаях: при переводе названия растения теряется ассоциация с бормотанием, возникающая в оригинале благодаря сходству корней *mimble* и *mumble* «бормотать»; при переводе названия факультета школы магии исчезает элемент семантики, связанный с известной фразой *huff and puff* и отсылающий к одной из главных черт студентов этого факультета – к трудолюбию, к усердной работе; боггарт, в отличие от своего английского прототипа, не отсылает к привидению-домовому, способному на злые проделки. Исключение здесь представляет только аврор – благодаря тому простому факту, что представителям и принимающей, и передающей культуры известно, что такое Аврора, поэтому элитный «спецназ» Министерства магии и для англичан, и для русских всегда будет ассоциироваться со светлой магией и надеждой на победу со злом, которую она дает.

Отдельно стоит отметить, что в ходе настоящего исследования мы столкнулись с фактами перевода, которые было проблематично объяснить в терминах существующей типологии переводческих позиций. Речь идет о переводе, выполненном Марией Спивак и отличающемся специфическим подходом к передаче исходного значения псевдореалий. В подобных вариантах перевода нет типичных экзотических элементов, позволивших бы отнести их к позиции экзотизации, однако внешняя форма таких слов редко даёт читателю возможность дешифровать значение псевдореферентных лексических единиц. Для перевода ПРЛ с этой позиции характерна слабая мотивированность слова (или полное её отсутствие) по сравнению с исходной единицей, а также уникальное употребление словообразовательных моделей. Поскольку получившиеся в результате использования подобной стратегии единицы перевода не имеют ничего общего с оригиналом не только в плане выражения, но и в плане содержания и лишь затрудняют дешифровку элементов псевдореферентной номинации, был сделан вывод о возможности трактовки данного перевода как результата применения новой переводческой позиции – позиции псевдоэкзотизации. Правомерность использования именно этого ярлыка для обозначения данных видов перевода, вероятно, может быть поставлена под сомнение, поскольку перевод в этом случае не приближает реципиента к культуре оригинала; однако, в результате дальнейших исследований в этом направлении данный термин может быть скорректирован.

Наиболее яркими иллюстрациями того, что мы на данный момент называем псевдоэкзотизацией при передаче ПРЛ, могут служить переводы названий магических существ и злых духов. *Hinkypunk* (болотный дух, который с помощью своего фонарика заманивает людей в трясины; лексема была создана Роулинг путем ресемантизации английского слова, изначально означавшего то же, что и *will-o'-the-wisp* или *jack-o'-lantern* – «блуждающие

огоньки») в переводе превратился в «финтиплюх» (народный перевод – «горлопанка»). Водяной из английского фольклора, *grindylow*, служит прототипом для водяного монстра из волшебного мира Роулинг – точно так же, видимо, как и для него самого прототипом послужил Грендель (*Grendel*) из известного эпоса о Беовульфе. В переводе же мы обнаруживаем существо по имени «загрыбаст». Очевидно, что в данном случае акцент ставится на манере атаки этого монстра, однако подобное переводческое решение представляется необоснованным, поскольку противоречит макроконтексту. И, наконец, нельзя не упомянуть таких монстров, как *blast-ended skrewts*, которые превращаются во «взрывастых драклов» (М. Спивак) или во «взрывохвостых крутонов» (народный перевод). Здесь исследователь расписывается в собственном бессилии относительно попыток эксплицировать механизмы перевода или же реконструировать ход мыслей субъектов перевода: если адьюнкт этого словосочетания еще поддается объяснению (защитный механизм этих существ действительно включал в себя возможность испускать электрический разряд, источником которого был хвост), то ядро, очевидно, никак не мотивированно – ни семантически, ни деривационно.

На основании нашего анализа также представляется возможным выявить некоторые корреляции между переводческими позициями и переводческими трансформациями, использованными при передаче ПРЛ: очевидно, что определенные типы стратегий будут тяготеть к определенным типам преобразований. Так, для экзотизации характерны транскрибирование / транслитерирование, помогающие передать названия и имена, отсутствующие в принимающей культуре и сохраняющие эффект погружения в псевдореальность и знакомства с новым миром. Калькирование, напротив, используется, чтобы без дополнительных объяснений, потребовавшихся бы при использовании транслитерации или транскрибирования, дать читателю понять, что имеется в виду под тем или иным названием (например, при переводе единицы *veritaserum* «сыворотка правды» гораздо более очевидно указывает на предназначение предмета, чем «веритасерум», чье значение поймут только люди, владеющие латынью); поэтому кальки свойственны натурализации.

Следует отметить также, что транскрибирование и транслитерирование, используемые при передаче ПРЛ Поттерианы, кажутся менее эффективными приемами, чем калькирование, только на первый взгляд. С одной стороны, большинство реципиентов текста перевода не обладает необходимыми фоновыми знаниями, чтобы дешифровать значение, заложенное в звуковом / графическом облике единицы оригинала, который транслируется в текст перевода без учета ассоциаций, возникающих у носителя языка оригинала при восприятии данной единицы. Например, встретив в романе слово «бладжер» (*bludger*), русский реципиент едва ли будет в состоянии определить, что это «мяч, который летает самостоятельно и пытается сбить игроков с метлы», хотя связь исходной единицы с лексемой *bludgeon* «бить дубинкой» вполне очевидна британскому читателю. С другой стороны, и британский, и русский реципиент, ознакомившись с макроконтекстом, в котором однозначно и полно описываются все функции и характеристики предмета, обозначаемого этой лексемой, будет иметь четкое и

вполне определенное представление о всех семах, заключенных в ее значении (единственной лишь разницей будет то, что у английского читателя бладжер всегда будет ассоциироваться со своим производящим словом, и именно эта ассоциативная характеристика предмета будет выходить на первый план при последующем его упоминании).

В целом, та же закономерность справедлива и для переводов остальной ПРЛ Поттерианы. Роулинг настолько скрупулезно описывала свой возможный мир, что многие его объекты и явления «обрастали» новыми подробными описаниями в процессе его создания. Для достижения высокой степени эквивалентности переводчики часто комбинируют транскрибирование / транслитерирование с таким приемом, как описательный перевод – однако в нашем исследовании мы столкнулись с ним только однажды, поскольку подобные подробные описания уже были даны самим автором исходного текста и вплетены им в повествование. Отсюда следствие: как бы сложна ни была внутренняя форма ПРЛ Роулинг, практически все семы, заложенные в ее значении, в подавляющем большинстве случаев восстанавливаются в широком контексте. Поэтому парадоксальный вывод, к которому мы пришли в результате проведенного исследования, заключается в том, что трудность перевода ПРЛ Поттерианы, обозначенная выше и связанная с высокой контекстуальной зависимостью ПРЛ, на самом деле оказывается тем фактором, который облегчает понимание комплекса значений исходной единицы для рецептора текста перевода – вне зависимости от использованной переводческой позиции.

Список литературы

1. Васильев Л.Г., Васильева М.Л. О речевоздействующей функции языка: проблема перевода стилистических средств // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Барнаул: АлтГУ, 2016. Ном. 5. С. 34–47.
2. Волкова Н.А., Миловидов В.А. К вопросу о переводе поливалентных комических текстов // Языковой дискурс в социальной практике: материалы 10-й Международной научно-практической конференции. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 59–63.
3. Гарусова Е.В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь: ТвГУ, 2007. 173 с.
4. Голубева О.В. Креативная функция единиц вторичной номинации в сказках Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье»: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Смоленск: СГПУ, 2004. 20 с.
5. Кулакова Ю.В. Псевдореферентная номинация в аспекте перевода (на материале английского и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 29 с.
6. Неронова И.В. Теория возможных миров литературы: предпосылки создания, основные задачи и подход к художественному миру литературного произведения // Социальные и гуманитарные знания. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2015. № 4. Т.1. С. 277–283.
7. Петрова О.В. В башне из слоновой кости, или Переводческий аутизм // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сб. науч. тр. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2014. С. 80–89.
8. Хохел Б. Время и пространство в переводе // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 82–90.

9. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London: Routledge, 1998. 210 p.

HARRY POTTER AND TRANSLATION STRATEGIES: THE PROBLEM OF RENDERING PSEUDO-REFERENT VOCABULARY

N.A. Volkova

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga

The article deals with the various features of pseudo-referent vocabulary that has been created by the modern British writer J. K. Rowling to describe a possible world. The main aim of the article is to analyse what translation strategies and techniques are to be used when rendering pseudo-referent vocabulary into Russian.

Keywords: *possible worlds, pseudo-reference, translation strategies, translation techniques.*

Об авторе:

ВОЛКОВА Наталия Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, КГУ им. К.Э. Циолковского, e-mail: 2006@yandex.ru.